

В тот день, когда Ань Шаохуа нашел Юэ'э, она сидела в пещере, погруженная в свои мысли. Услышав его, она мгновенно покраснела, её глаза широко раскрылись, наполнившись слезами, и она выглядела невероятно прекрасной.

Юный Ань Шаохуа, возможно, ещё не обладал красноречием будущего обладателя третьего места на экзаменах, и он заикался, не в силах выговорить ни слова. Но Юэ'э поняла его, просто глядя на свою желтую юбку, и сказала:

— Буду ждать, пока мой кузен Хуа пришлет сватов.

Их чувства вспыхнули в третий день третьего месяца, и через несколько дней Ань Шаохуа тайно написал стихотворение и передал его Юэ'э.

Через два месяца Юэ'э пришла в дом, чтобы навестить бабушку, а затем провела два дня с Лин'эр, младшей сестрой Ань Шаохуа. Через Лин'эр она передала ему этот кошелек. Юэ'э не была поэтессой, и она знала не так много стихов. Поэтому она вышила это стихотворение на кошельке.

Этот кошелек сопровождал Ань Шаохуа много лет. На следующий день после того, как Юэ'э вошла в его дом, он лично убрал кошелек в потайной ящик в своем кабинете.

В последующие годы, когда Ань Шаохуа выезжал по делам, он всегда носил этот кошелек с собой. Несколько раз, когда он оказывался на краю гибели, он прижимал рукой кошелек, пришитый к груди, и это помогало ему выжить.

Когда его арестовали, чиновник, обыскивавший его, увидел этот кошелек. К тому времени он уже выцвел, местами разошелся по швам, и на углах были заплатки. Несмотря на потрепанный вид, он излучал тепло. Чиновник открыл его, посмотрел и, ничего не сказав, вернул обратно.

В годы ссылки в уезде У этот кошелек хранился в ящике с документами, пока Юэ'э не исчезла, забрав с собой и кошелек, и ящик.

Теперь кошелек снова был в его руках, Юэ'э была рядом, но его сердце уже пережило столько перемен. Такая ситуация была ли это милостью небес или их насмешкой?

Размышляя об этом, Ань Шаохуа больше не мог лежать. Он с яростью вскочил и спустился с кровати.

Услышав, что он встал, Юэ'э тоже села, собираясь помочь ему одеться. Ань Шаохуа повернулся, взял её за руку и уложил обратно в постель:

— Ещё рано, я сначала немного позанимаюсь мечом, а потом пойду с тобой поздороваться с бабушкой.

Глядя на осторожный и застенчивый вид Юэ'э, он снова почувствовал странное смутение.

Юэ'э тоже когда-то была такой же юной и нежной, и это напомнило ему о многих вещах. Тогда... в прошлом... в прошлой жизни, ох! Что это за дела! Он даже не знал, как описать всё, что, казалось, уже произошло. Теперь он думал, что, возможно, это был сон Чжуанцзы.

Размышляя об этом, Ань Шаохуа успокоился. Конфуций говорил, что не стоит говорить о сверхъестественном, возможно, это просто был кошмар. Сон в южной ветке, как у Чуньюй Фэня, тоже был полон захватывающих событий. Он стал правителем, женился на принцессе,

прожил более двадцати лет, достиг высоких чинов, имел множество детей и счастливую семью, всё было идеально. Но потом напали варвары, принцесса умерла, и он проснулся, осознав, что всё это был всего лишь сон.

Теперь он просто слишком много выпил прошлой ночью. Успокоив себя, Ань Шаохуа почувствовал себя ещё более уверенным и довольным. Он вышел во двор, немного позанимался мечом, вспотел и почувствовал себя лучше.

После купания, одеваясь, он вспомнил, что в том сне он встал поздно и не занимался мечом. Он поднялся только тогда, когда уже рассвело. В том сне Фугуй принес ему воду для умывания и помог ему одеться. Хуаньси принес его одежду на сегодня — светло-голубой наряд и белую нефритовую корону, которую ему подарил Гу Фэн после экзаменов. Увидев её, Ань Шаохуа вспомнил о Гу Мо и сердито посмотрел на Хуаньси, заставив его заменить корону на нефритовую шпильку. Когда он уже наполовину оделся, Гуй-эр привела Юэ'э. Хуаньси, увидев её, поклонился и сказал:

— Вторая госпожа Жуань.

Юэ'э сразу же изменилась в лице. Тогда Ту-эр добавила масла в огонь, сказав что-то вроде того, что вторая жена — это не наложница.

Он смутно помнил, что Фугуй что-то возразил Ту-эр, вероятно, цитируя закон. Кстати, Фугуй был внучатым племянником Фубо, его семья была из простых, но образованных людей. Позже, когда семья разорилась, он приехал в столицу искать покровительства у Фубо. Фубо, увидев, что парень хороший, рекомендовал его Ань Шаохуа в качестве слуги. Но его прямолинейный характер за пару дней несколько раз вызвал недовольство Юэ'э.

Кажется, вскоре после этого, когда он ушел на службу, а вернувшись, узнал, что Фугуй случайно разбил одну из императорских чернильниц в кабинете, сделав на ней трещину, и его выгнали. Ань Шаохуа, беспокоясь, специально написал письмо, чтобы отправить Фугуя к своему старшему брату. Когда брата отправили в ссылку в уезд У, Фугуй был уже на грани смерти, измученный, но всё ещё пытался защитить брата и Мосяна. К сожалению, Мосян к тому времени уже...

Какая ерунда, всего лишь сон.

Сны всегда полны неожиданных поворотов и странных событий.

Что в этом такого? В детстве он часто мечтал о том, как летает, превращает бобы в солдат, имеет три головы и шесть рук и обладает невероятной силой.

Рассвет уже наступил.

Слуга Ань Шаохуа, Хуаньси, вошел с одеждой и украшениями. На мгновение солнечный свет, падающий сзади, окутал его золотистым сиянием. Хуаньси поклонился Ань Шаохуа, как обычно, и начал одевать его, одновременно рассказывая о делах:

— Господин, вчера на церемонии принятия наложницы ваш коллега из Палаты наказаний, господин Чжан, напился и остался ночевать в гостевой комнате во внешнем дворе. Сегодня утром он проснулся и собирается уйти, Фугуй уже пошел его проводить. Также друг вашего старшего брата, третий сын заместителя министра финансов Цай Цзикана, тоже напился, и бабушка распорядилась оставить его в Тинсуньюане. Фугуй уже заходил к нему утром, но он всё ещё не протрезвел. Фугуй сказал, что после проводов господина Чжана он ещё раз зайдет

проверить. Также служанки, которых привела вторая жена, бабушка не дала конкретных указаний, а господин Гу... вы знаете, господин Гу с тех пор, как переехал за второй ворота, больше не занимается делами Двора Струящегося Света. Поэтому вчера вечером я сам распорядился отправить их в боковые комнаты Павильона Изогнутой Чаши за третьими воротами, чтобы вы сегодня дали указания.

Ань Шаохуа слушал, машинально отвечая, и вдруг взглянул на одежду. Светло-голубой наряд и белая нефритовая корона, подаренная Гу Фэном. Ань Шаохуа взял корону, и его мысли снова закружились.

Двор Струящегося Света, где он жил, был отделенным трехдворным поместьем, построенным после его свадьбы. Во внешнем дворе был его кабинет и Зал Жусун, а также небольшие ворота, ведущие наружу, охраняемые стражей. Вторые ворота вели в сад дома маркиза Чжунъюна, а через сад можно было дойти до Зала Счастья и Долголетия, где жила бабушка. За третьими воротами было озеро, искусственные скалы, павильоны и беседки, всё было изысканно и красиво. Помимо красоты, там также жили его наложницы.

В начале их брака он и Гу Мо жили в Павильоне Изогнутой Чаши за третьими воротами. В то время, в период медового месяца, Гу Мо спросил, что такое «изогнутая чаша», и он сразу же нашел мастера, чтобы сделать её в саду. Теперь, вспоминая это, он понимал, что у них тоже были счастливые дни. Тогда второй принц Инь Цин только что был назначен нынешним императором в Министерство финансов, и четверо его сопровождающих, включая Ань Шаохуа, также были отправлены туда под предлогом обучения, но на самом деле это была возможность для второго принца познакомиться с государственными делами. В то время Ань Шаохуа, конечно, был горд и занят.

Постепенно, днем он занимался делами, а вечером иногда ходил в увеселительные заведения для «обсуждения дел». Со временем он перенял некоторые манеры бездельников. Но обычно Гу Фэн следил за ним, и как только Ань Шаохуа начинал проявлять интерес, Гу Фэн тут же отпускал язвительные замечания. Потеряв лицо, но не имея возможности открыто восстановить свою репутацию, Ань Шаохуа злился, но не мог ничего поделать. Выходя из дома, он сталкивался с Гу Фэном, а возвращаясь — с Гу Мо. Эти двое были как тени, от которых невозможно избавиться.

Именно тогда Ань Шаохуа встретил Ляньгуань. Ляньгуань была певицей, которая пела и играла на цитре за ширмой. За ширмой можно было только слышать её голос, но не видеть её, что добавляло шарма. В то время Ань Шаохуа был полон горечи и беспокойства, но не мог ни с кем поделиться. Однажды он услышал, как Ляньгуань поет песню со словами «знакомых много, но только один близкий человек», и это точно отразило его чувства — чем больше шума вокруг, тем больше одиночества внутри. С тех пор он втайне считал Ляньгуань своим близким человеком. Ляньгуань была единственной женщиной в его доме, которую он никогда не касался.